

УЧЁТ НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОДНОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА В УЗБЕКСКОЙ АУДИТОРИИ

В русской речи студентов узбекских групп, изучающих русский язык наблюдаются многочисленные ошибки, связанные с употреблением русского глагола, т. е. с глагольным видом и смежными с ним явлениями. Об этом свидетельствуют исследования, проведённые Т.В. Булгаковой: из 3000 собранных в её работе ошибок 337 связаны с областью глагола, из них почти две трети (219) – с категорией вида [1, с. 60]. Об ошибках, связанных с употреблением видов и способов глагольного действия русских глаголов свидетельствуют и труды А.И.Нечаевой [2, с. 162].

Как показывают наши наблюдения, студенты узбекских групп НУУз допускают нарушения в устной и письменной русской речи как репродуктивного, так и продуктивного характера. В большинстве случаев происходит замена глаголов совершенного вида глаголами несовершенного вида и наоборот. Например: Я *поступал* на первый курс. Я первый экзамен *сдавал* на отлично. Я *учу* стихотворение завтра. Он обязательно *готовится* хорошо завтра. Таким образом, многообразие форм глагола в русском языке представляет большие речевые и орфографические трудности для учащихся – узбеков.

При изучении русского глагола в узбекской аудитории необходимо постоянно обращать внимание учащихся на различие форм русского и узбекского языков и, исходя из этого, систематически проводить целенаправленную работу с учащимися по созданию умений и навыков правильного образования и употребления различных форм глагола в русской речи.

При разработке методики изучения видов и способов глагольного действия необходимо помнить, что глагол в узбекском языке выражает своё основное действие, которое может происходить во всех временных измерениях: в прошлом, настоящем и будущем, и этим они похожи на русские глаголы несовершенного вида. Это одна из причин, что студенты-узбеки предпочитают употреблять в своей речи именно глаголы несовершенного вида, потому что по своим грамматическим характеристикам они ближе к узбекским простым глаголам.

Необходимо также обращать внимание на то, что последовательность действия в предложениях на русском языке передаётся двумя или несколькими глаголами совершенного вида, при употреблении которых студенты и допускают ошибки: Она *сдавала* уже тет-

радь (вместо **сдала**). Стало тепло, потому что она **закрывала** окно (вместо **закрыла**). Студенты также не могут правильно передать начало действия, временную ограниченность его, законченность. Например: при пересказе текста «Весна» студенты допускают следующие ошибки. Весна не заметила как от неё **мчались** (вместо **умчались**) от неё Мороз и Зима, а когда заметила **плакала** (вместо **заплакала**). Она **плакала-плакала** (вместо **поплакала**), а потом **терла** (вместо **вытерла**) слёзы, **смотрела** (вместо **посмотрела**) вокруг и **улыбалась** (вместо **заулыбалась**). И принялась Весна за работу: **цвели** (вместо **зацвели**) деревья, **зеленела** (вместо **зазеленела**) трава, **летели** (вместо **прилетели**), **пели** (вместо **запели**) птицы.

Такого типа ошибки вызваны рядом причин: это сложности и трудности русской грамматики; интерференция родного языка; недостатки в системе обучения русскому языку нерусских учащихся. Наибольший интерес для нас представляют ошибки, связанные с интерференцией родного языка. Под интерференцией обычно понимают влияние родного языка на изучаемый в результате которого наблюдается нарушение норм неродного языка.

Одним же из условий правильного употребления русского глагола в речи является знание учащимися его спрягаемых форм.

Как известно, в русском языке глагол в настоящем времени имеет разные окончания в зависимости от типа спряжения, в узбекском же языке - спрягаются по одному типу. Личные формы русского глагола в настоящем времени учащиеся узбекских групп усваивают без особых усилий, так как личные окончания в русском языке соответствуют суффиксам лица в родном. Но в узбекском языке время и лицо выражаются отдельными формальными показателями, например: *ёзаман* – пишу, где *-а* – показатель времени, *-ман* – показатель лица. Это означает, что каждое морфологическое значение характеризуется отдельным аффиксом, и каждый дополнительный аффикс имеет только одно значение. Личные аффиксы узбекского глагола однотипны, например, во 2-м лице мн.ч. наст. вр, все глаголы имеют аффикс *-сиз*. Наличие в русском языке разных типов спряжения ведёт к смешению учащимися-узбеками личных окончаний глагола в настоящем времени. Провоцируют грамматические ошибки и отсутствие в узбекском языке чередование звуков в корне глагола. Например: «*хочем*» вместо *хотим*, «*гладю*» вместо *глажу*, «*руководю*» вместо *руководжу*, «*находюсь*» вместо *нахожусь* и т. д.

В процессе обучения особое внимание следует уделять усвоению узбекскими учащимися спряжению разноспрягаемых глаголов *хотеть*, *бежать*, особо спрягаемым глаголам *есть* (в значении кушать), *дать*, а также глаголам *создать*, *быть* и т. д.

Значительную трудность представляет для узбеков усвоение форм прошедшего времени, так как одной форме прошедшего времени глагола в русском языке соответствуют две простых и несколько сложных в узбекском. Например, форме *взял* в русском языке соответствуют простые формы *олди*, *олганв* узбекском, причём каждая имеет свой оттенок значения: форма на *-ди* (*ОЛДИ*) выражает «очевидное» действие, когда говорящий сам является свидетелем его совершения, а форма на *-ган* (*ОЛГАН*) – «неочевидное».

Между формами будущего времени в русском и узбекском языках нет больших расхождений, однако имеются определённые различия в их употреблении и значении, которые следует учитывать в практике обучения языку. Например, категоричность или неопределённость высказывания могут быть выражены в русском предложении не формой глагола, а интонацией и логическим ударением в устной речи и общим контекстом в письменной.

Вид и время глагола являются смежными категориями. Это ярко иллюстрируется на материале узбекского языка, где формы времени имеют также видовое значение. В узбекской аудитории категория вида русского глагола относится к наиболее трудным темам, что объясняется отсутствием в узбекском языке чётко выраженной категории вида, в результате чего в сознании говорящих по-узбекски вид не отражается как самостоятельная грамматическая категория.

Отсутствие видов в тюркских языках компенсируется не только богатой системой времён, но и наличием широко разветвлённой системой способов действия, которые обычно принимают за виды, исследователи тюркских языков.

Помимо сложности самой системы образования видовых форм в русском языке, трудности в их практическом употреблении объясняются нейтральностью первичных основ узбекского глагола по отношению к виду. Сложно добиться, чтобы студенты узбекских групп, овладевающие русским языком не делали ошибок в употреблении глагола в своей русской речи.

Тем не менее, несмотря на отмеченные трудности, можно значительно уменьшить количество ошибок в употреблении глагола в русской речи студентов – узбеков, если применять грамотную, научно обоснованную, психологически оправданную методику обучения, учитывающую не только сложности самой грамматики русского языка, но и интерферирующее влияние родного языка обучающихся.

В нашей работе при практическом усвоении видовых форм русского глагола используются разные типы заданий, которые можно рекомендовать для практического использования на занятиях по русскому языку

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова Т.В. Грамматическая интерференция и другие факторы, влияющие на русскую речь узбеков. Ташкент, 1977 г.

2. Нечаева А.И. Ошибки в речи узбеков, связанные с употреблением видов и способов действия русских глаголов. Сб. научн. тр. Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. Москва.1990г.

УДК 655.4/5(476)

М. В. Трус, канд. філал. навук, дактар (НАН Беларусі, г. Мінск)

БЕЛАРУСКІ СКЛАДНІК ШМАТМОЎНАГА ЛІТАРАТУРНАГА ЗБОРНІКА «ДЗЕНЬ МАСТАЦТВА» (ВІЛЬНЯ, 1914)

Працяглы час у фокусе даследчыцкага бачання адсутнічала беспрэцэдэнтнае выданне, якое пабачыла свет стараннямі віленскага Мастацкага таварыства ў друкарні Марціна Кухты, – «День искусства: 19 8/ХІІ 14». Сёння гэта бібліяграфічная рэдкасць. Экзэмплял, з якім нам удалося папрацаваць, захоўваецца ў Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы (Масква).

На вокладцы назва прадубліравана на пяці мовах: рускай, польскай, літоўскай, беларускай і яўрэйскай (іўрыт). Беларускі вырынт гучаў у адпаведнасці з тагачаснай традыцыяй – «День штукарства»; сённяшні ўнармаваны літаратурны адпаведнік – «День мастацтва».

Зачынную старонку, якая стала адмысловам камертонам поліфанічнага гучання ўсяго зборніка, сфарміравалі тэксты аўтарытэтных дзеячаў літоўскай, рускай і польскай культур. Поруч былі змешчаны ўрывак з запісаў спачылага кампазітара і мастака Мікалоюса Канстанцінаса Чурлёніса «Поўны працоўны дзень», малітоўны зварот да Бога ў клопатах пра «спакой для людзей добрай волі» гісторыка і літаратара Люцыяна Уземблы. Паэтычнай сэрцавінай першай старонкі стаў верш «В Вильне» Валерыя Брусава. У вершы, датаваным 17 жніўня 1914 года, створана карціна горада, прыгаламшанага ахвярамі вайны. Над жалобнай цеменню касцёлаў уздымаецца апякун Вільні – Казімір, велічна ўзвышаецца сабор святой Ганны. Эмацыйны акцэнт шматнацыянальнага горада і аптымістычна-пераможны акорд гучаць ва ўнісон у заключных радках твора: «И море все той же печали, // Все тех же маленьких бед // Шумит в еврейском квартале // Под гулы русских побед». Адпаведны этнічны складнік падмацоўвалі два праязныя творы на іўрыце: апавяданні «У адчужанасці і адзіноце» Цві Гіршкана і «З яўрэйскіх трагедый»